

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ.

1647—1657 г.г.

Богдан Хмельницкий, знаменитый гетман и освободитель Малороссии, был сын Чигиринского сотника Михаила Хмельницкого. Время рождения Богдана в точности не известно; из сопоставления же хронологических данных последующей его жизни нужно предположить, что он родился в конце XVI в. Первоначальное образование Хмельницкий получил в Киевской братской школе, после чего он, по словам польских историков, учился в Ярославле (Галицком) у тамошних иезуитов. Из обстоятельств последующей жизни Хмельницкого видно, что, помимо природного своего ума и дарования, он обладал также и значительным для своего времени образованием; так, он свободно владел польским и латинским языками, к которым впоследствии присоединил знание языков турецкого и французского.

Окончив образование, Хмельницкий, подобно Сагайдачному, поступил на службу в ряды козацкого войска и участвовал в польско-турецкой войне (1620—1621 г.), в которой был убит его отец, а сам он попал в плен к туркам и пробыл два года пленником в Константинополе. Получив свободу, Хмельницкий возвратился в Запорожье и время от времени принимал

на себя организацию морских походов запорожцев на турецкие города. Самым удачным из таких походов был его черноморской поход в августе 1621 года. В то самое время, когда гетман Сагайдачный под Хотинном мужественно отбивал приступы многочисленных войск Османа, молодой Хмельницкий, собрав до 10 тысяч отважных запорожцев, спустился с ними Днепром на чайках в Черное море, где разбил и потопил 12 турецких галер, а остальной турецкий флот преследовал до самого Цареграда. Не менее известен и другой черноморский поход Богдана в 1629 году, когда казаки, под его предводительством, „окурили мушкетным дымом" самые стены Цареграда, сожгли предместья столицы и с богатой добычей благополучно возвратились в Сечь. После многих лет службы на Запорожье, Хмельницкий вернулся на родину в Чигирин, женился на переяславке Анне Сомковне и получил звание сотника Чигиринского.

Внутреннее состояние Малороссии в это время было крайне печально. Стремление дворян к приобретению имений в степной полосе Украины во второй четверти XVII в. еще более увеличилось, а рядом с ним сделало новые успехи и закрепощение бывшего дотоле свободным местного народонаселения. В то же время, благодаря успехам католической и униатской пропаганды, большинство русских дворянских родов, путем воспитательного влияния в иезуитских школах и брачных связей с польским дворянством, изменило вере и народности своих отцов и этим порвало последнюю нравственную связь с народной массой, а усвоение условий и обстановки быта и образа жизни польской шляхты, с ее расточительностью и страстью к роскоши и дорого стоящим развлечениям, требовало от южно-русских дворян огромных средств, которые они старались извлечь из своих имений. Сами помещики не любили заниматься хозяйством, а предпочитали отдавать свои имения в аренду евреям и другим искателям легкого обогащения, передавая им вместе с этим все свои державные права над крестьянами и даже право подвергать их смертной казни. Облеченные столь широкими полномочиями, евреи арендаторы не знали

никакой меры в обирании крестьян и в эксплуатации их труда: сверх натуральных повинностей, они облагали особым денежным сбором все статьи крестьянского хозяйства, держали в откупе торги, проезжие дороги, реки и угодья и на каждом шагу брали мыта, наконец они держали в своих руках ключи от православных церквей и всякий раз взыскивали особую плату за право совершения богослужения и других христианских таинств и обрядов. Все эти обстоятельства усиливали помещичий гнет над крестьянами до крайней степени. Недовольные по прежнему массами убегали на Запорожье и нередко предпринимали оттуда вооруженные походы против своих притеснителей. Но польское правительство, не отвлекаемое более внешними войнами с соседями, быстро принимало нужные меры и в пору умирало восстания. К тому же, выделив так называемых „реестровых" казаков в особое привилегированное сословие, правительство раздружило их с казачеством запорожским и разъединило их интересы; поэтому в минуты восстаний, поднятых крестьянством или исходивших из среды непризнаваемого правительством казачества, реестровые казаки обыкновенно держали себя в стороне или же явно помогали полякам, за то, с другой стороны, добиваясь у правительства обещанных прав и нередко поднимая из-за этого восстания, реестровые казаки не находили поддержки в народе, так как боролись не за интересы народа. Таковы были причины безуспешности восстаний под предводительством: Тараса Трясилы (1630 г.), Павлюка (1637 г.), Остряницы и Гуни (1638 г.) и др. Все эти восстания только ухудшали положение малороссийского народа и подвергали его всякий раз многочисленным казням и другим жестокостям со стороны усмирителей поляков, а в 1638 г. правительство решилось совершенно уничтожить звание казацкого гетмана и подчинило казаков власти особых чиновников, назначенных им из лиц шляхетского звания, в видах же прекращения побегов крестьян за пороги возобновлена была на Днестре Казацкая крепость, незадолго пред тем разоренная запорожцами.

В этих восстаниях Хмельницкий, как кажется, не при-

нимал личного участия, так как понимал всю их бесплодность. За то он неоднократно участвовал в казацких депутациях, посылаемых на сеймы и к королю с жалобами на разного рода насилия, претерпеваемых казаками и малороссийским народом, и с ходатайством о защите их прав. В одну из таких поездок он был послан королем Владиславом IV во Францию для переговоров на счет доставки казаков во французскую службу для войны с Испанией, следствием чего было то, что 2400 охотников из казаков отправились во Францию и в 1646 г. участвовали при взятии Дюнкерна у испанцев.

Усмирив восстания на Украине и подчинив казаков власти правительственных чиновников, поляки наводнили Малороссию жолнерами и со всею необузданностью принялись угнетать местное население. Это было тяжкое время в истории Украины. Самоуправство и своеволие поляков не имели пределов. Жертвой такого самоуправления суждено было стать и самому Богдану Хмельницкому. В 1646 г. чигиринский подстароста шляхтич Чаплинский силой отнял у Хмельницкого его родовой хутор Субботово и при этом подверг десятилетнего его сына столь жестоким побоям, что ребенок на другой день умер. Хмельницкий позвал Чаплинского к суду, ездил даже жаловаться на него лично королю, но не получил никакого удовлетворения, потому что при тогданнем бесправном положении малорусского населения казаку нечего было и думать тягаться с польским шляхтичем. Рассказывают, будто сам король Владислав дал такой ответ Хмельницкому на его жалобу: „Вы воины и носите сабли, кто вам за себя стать запрещаете?“ Оскорбленный Хмельницкий решился последовать королевскому совету и с оружием в руках выступить на защиту своих прав, а вместе с тем и прав обездоленной своей родины: он задумал поднять к Украине восстание. В этих видах он стал подыскивать в среде казаков сообщников для задуманного предприятия; когда же на него донесли коронному гетману Потоцкому и последний отдал приказ арестовать его, то Хмельницкий, выманив хитростью у Черкасского полковника Ивана

Барабана королевскую грамоту на увеличение числа казацкого войска и право строить чайки для морских походов против турок, в декабре 1647 года бежал с нею на Запорожье. Собрав запорожцев на раду, Хмельницкий сообщил им о своем предприятии и встретил с их стороны полное сочувствие, причем они провозгласили его своим гетманом. Запорожские агенты рассеялись по всей Украине и начали готовить народ к вооруженному восстанию против поляков. Крестьяне заволновались и целыми толпами стали бегать за пороги. Сам же Хмельницкий отправился в Крым и, пользуясь существовавшими в то время недружелюбными отношениями хана к Польше, легко убедил его оказать казакам вооруженную помощь.

Слухи о действиях Хмельницкого достигли Украины и польские гетманы Потоцкий и Калиновский двинули против него реестровых казаков и небольшой отряд польской конницы. Но казаки перешли на сторону Хмельницкого, польский же отряд был разбит на голову соединенными силами запорожцев и татар 8 мая 1648 года, на урочище „Жовти-Воды“¹⁾, причем был убит предводитель отряда, молодой сын коронного гетмана, Стефан Потоцкий. Узнав об этом, польские гетманы двинулись со всеми силами против Хмельницкого и встретились с ним у Корсуня²⁾. Здесь 16 мая произошла битва, в которой польское войско понесло полное поражение. Оба предводители Потоцкий и Калиновский попали в плен и были отданы союзникам Хмельницкого, татарам; вся артиллерия, военные запасы и панские обозы достались победителям. Поляки, бежавшие с поля сражения, попадали в руки крестьян, которые или убивали их, или связанными приводили к своему гетману.

Корсунская победа сразу произвела решительный переворот в положении тогдашней Малороссии. Крестьяне повсеместно бросали свои обычные занятия, объявляли себя казаками и спешили стать

¹⁾ В нынешнем Александрийском. Херсонск. губ.

²⁾ Мест. Каневского у. на р. Роси.

под знамена Хмельницкого. В целой Украине, по обе стороны Днепра, разом вспыхнуло всеобщее народное восстание. Началась жестокая расправа раздраженного народа с своими притеснителями, и во всех концах Малороссии потекли реки крови. Крестьяне и казаки повсюду опустошали панские усадьбы, убивали их владельцев, управляющих и арендаторов, жгли и разоряли католические костелы и безжалостно истребляли ксендзов и иезуитов. Самой жестокой мести подверглись евреи: восставшие не оказывали им ни малейшей пощады и повсеместно предавали их поголовному истреблению. Все, что было нерусского и неправославного в Украине, объято было ужасом: помещики бросали свои богатства и спешили спасать свою жизнь бегством в Польшу; за ними бежали все поляки и евреи. Таким образом Украина разом была очищена от всего, что доселе угнетало и разоряло ее, и коренное население её очутилось на полной свободе. Хмельницкому оставалось только стремиться к тому, чтобы довести до конца столь счастливо начатое дело освобождения Малороссии и политически закрепить новый общественный порядок в ней. Но даровитый вождь не сразу возвысился до понимания той высокой задачи, исполнение которой так неожиданно выпало на его долю. Вместо того, чтобы немедленно двинуться на Польшу, где в то время, по случаю внезапной смерти короля Владислава IV, наступил период безкоролья, Хмельницкий целых четыре месяца провел в бесплодных переговорах с поляками и дал им возможность собрать против него новое ополчение. В сентябре 1648 г. Хмельницкий встретил под м. Пилявою¹⁾ это ополчение, состоявшее из 36,000 шляхтичей, соперничавших друг перед другом блеском и роскошью своих нарядов и вооружений. После незначительных стычек, войско это, утраченное известием, будто па помощь Хмельницкому пришла многочисленная татарская орда, вдруг предалось постыдному бегству, оставив в руках казаков свои богатые обозы. Хмельницкий двинулся к Львову, взял с него денежный выкуп и осадил

¹⁾ Мест. Литинск. у. Подольск, губ., при р. Икве.

польскую крепость Замостье ¹⁾). Пред ним был открыт путь на самую столицу Польши, Варшаву, но он бесцельно простоял месяц под Замостью, ожидая, чем окончатся происходившие в то время в Польше выборы нового короля, и почему-то усердно заботясь о том, чтобы престол достался брату умершего короля, Яну-Казимиру, бывшему иезуиту и папскому кардиналу. Когда же последний, по своем избрании на польский престол, прислал к нему письмо с приказанием прекратить войну и ждать королевских комиссаров для переговоров об условиях мира, то Хмельницкий в декабре возвратился в Киев, где, при звоне колоколов и громе пушек, был встречен высшим духовенством и народом и приветствован как „новый Моисей“, освободивший Украину от польской неволи.

Слава о могуществе казаков быстро разнеслась по соседним государствам, и к Хмельницкому в Переяславль стали прибывать одни за другими посольства: из Турции, Молдавии, Валахии и от седмиградского князя с предложением дружбы и союза против поляков. Из Москвы также приехал посланник царя Алексея Михайловича и привез гетману царские подарки. Наконец к Хмельницкому явились польские комиссары и вручили ему от имени короля грамоту на гетманство, булаву и знамя. Созванные Хмельницким на раду, казаки встретили крайне враждебно послов королевских и не хотели и слышать о каких-либо переговорах с ними. Сам Хмельницкий ясно сознавал всю бесплодность переговоров о мире с Польшею и в откровенной беседе с комиссарами высказался, что у него есть план вырвать из польской неволи весь русский народ по Люблин и Краков, освободить всю Украину, Волынь, Подолье и Русь Галицкую и соединить их в одно независимое княжество. Уступая, однако, усиленной просьбе королевских послов, Хмельницкий согласился трактовать с ними о мире и предложил следующие главные свои условия: полное уничтожение в пределах всей Руси унии и замещение всех чинов и должно-

¹⁾ Уездный г. Люблинск. губ. на р. Вепрже.

стей в ней исключительно лицами православного исповедания; предоставление киевскому православному митрополиту места в сенате; зависимость гетмана Малороссии единственно и непосредственно от власти самого короля, и наконец, безусловное воспрещение евреям жить на Украине. Как ни умеренны были эти требования Хмельницкого, польские комиссары не согласились, однако, подписать их и уехали ни с чем. Война должна была снова разгореться, и обе стороны стали готовиться к ней.

Лишь только в Малороссии распространилась весть о новом походе против поляков, как под знамена Хмельницкого стали стекаться охотники со всех концов края. Даже мещане в городах бросали свои ремесла и торговлю и вместе с своими войтами, райцами и бурмистрами шли записываться в казаки. Хмельницкий разделил весь подвластный ему край на 24 полка, из коих 12 находилось на правой и 12 на левой стороне Днепра. Во главе управления каждым полком был поставлен полковник и полковой старшина: обозный, писарь, судья и хорунжий. Полки делились на сотни, управляемые сотниками и сотенной старшиной. Верховное управление краем принадлежало гетману и состоявшей при нем генеральной или войсковой старшине. Все казацкие старшины совмещали в своих руках военную и административную власть, каждый в своем районе, и были избираемы на „радах" или сходках и утверждаемы гетманом. Такой порядок издавна существовал в казацком войске, но теперь он был распространен Хмельницким на все население подвластного ему края.

Весной 1649 года Хмельницкий, в сопровождении крымского хана Ислам-гирия с татарской ордой, выступил в поход и осадил польское войско под Збаражем¹⁾. У поляков было очень мало запасов и в их лагере скоро открылся голод и повальные болезни. На помощь осажденным двинулся с двадцатитысячной армией сам король Ян-Казимир, не задолго перед тем получивший от папы освященное знамя и меч с благословением на

¹⁾ Город в Галиции на р. Гнезне, к югу от Кременца.

истребление схизматиков, и остановился в м. Зборове¹⁾, недалеко от Збаража. 5 августа, когда польское войско стало переправляться через реку, Хмельницкий с татарами неожиданно напал на поляков и истребил всех, успевших переправиться на другой берег. Оставшиеся столпились вокруг короля и окружили себя окопами. На другой день утром казаки с яростью бросились на неприятельский лагерь и разом с двух сторон ворвались в него. Плен короля казался делом неизбежным. Но в этот момент Хмельницкий вдруг крикнул: „згода“! и неожиданно отдал приказание войскам прекратить атаку. Ян-Казимир с остатком своей разбитой армии был спасен. Один украинский летописец объясняет этот поступок Хмельницкого особенным почтением его к особе короля и нежеланием допустить, чтобы христианский монарх достался в татарскую неволю.

Спасенный великодушием Хмельницкого от неминуемой опасности, король вступил с ним в переговоры о мире, после чего заключен был в Зборове договор с казаками на следующих условиях: гетман признавался верховным начальником казацкого войска, которого положено было иметь 40,000 и которое могло быть набрано из жителей Малороссии в пределах теперешних губерний: Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской и части Подольской. В пределах этого края не должны были квартировать польские войска и не могли жить евреи. Все должности в Малороссии должны быть предоставлены лишь православным. Иезуиты не могли жить в Киеве и в других местах, в коих находились русские школы. Киевский православный митрополит получал место в сенате; относительно же унии король обязался выхлопотать особое сеймовое постановление, благоприятное для православных.

Условия Зборовского договора, в связи с поведением Хмельницкого в битве под Збаражем, ясно показывают, что в то время даровитый казацкий вождь весьма еще смутно понимал свое историческое призвание и, кажется, совсем не предвидел того

¹⁾ Мест, в Галиции при р. Стрыпе, к югу от Бродов.

конечного исхода, какому естественною силою обстоятельств, привело его поднятое им дело. Позже, умудренный горьким опытом, понесши ряд неудач и тяжелых разочарований, Хмельницкий многому научился и на многое стал смотреть другими глазами; но в тот момент он не был достаточно подготовлен к той великой роли, какая неожиданно выпала на его долю, и потому не был в состоянии вести дело так, как указывала ему судьба и желания народа. Вместо того, чтобы воспользоваться до конца плодами счастливой победы и, взяв в плен короля, идти в самую глубь Польши, разрушить в ней аристократический порядок, столь враждебный интересам русского населения, и тогда уже предписать полякам такие условия мира, которые были бы направлены к окончательному политическому освобождению русских областей и обеспечивали бы в будущем возможность добрых соседских отношений к ним Речи Посполитой,—Хмельницкий заключает с поляками договор, который может быть и удовлетворил бы несколько народным требованиям, если бы заключен был лет двадцать назад; но теперь, когда бурные события последних лет так резко изменили положение вещей в общественной жизни Малороссии, когда во всем крае не оставалось более ни одного помещика, ксендза и еврея, Зборовский договор решительно не соответствовал условиям своего времени и изменившихся обстоятельств. Столь же мало соответствовал он политическим и социальным требованиям народной массы, с которыми Хмельницкий на этот раз разошелся более, чем когда либо. Выросши в среде польско-шляхетского общества и воспитанный в свойственных этому обществу привычках и понятиях, Хмельницкий сжился с теми порядками, на которых основывался тогдашний политический и общественный строй Речи Посполитой, и потому нельзя было и ожидать, чтобы он сразу же стал на сторону народного общественного идеала, совершенно отрицавшего эти порядки. Вот почему Хмельницкий не сразу отважился разорвать политическую связь Малороссии с Польшей, как того видимо хотело восставшее население. Ему казалось, что достаточно было обеспечить

свободу веры и независимое положение православной церкви, оградить Малороссию от возвращения ненавистных народу евреев и постоя буйных жолнеров, увеличить число постоянного казацкого войска,— и все поводы к недовольству польским владычеством в Малороссии исчезнут навсегда. В этом заключалась крупная политическая ошибка со стороны Хмельницкого, не принявшего во внимание при заключении Зборовского договора желаний малорусского народа, стремившегося к полному разрыву с католическо-шляхетной Польшей. Но в тех же Зборовских статьях коренилась и другая, еще более важная ошибка, имевшая самое губительное влияние на дальнейший ход начатого Хмельницким дела. По смыслу этого договора, из всего населения Малороссии только 40 тысяч человек, которые имели быть внесенными в так называемый „реестр“ казацкого войска, выделялись в свободное казацкое сословие, получавшее в собственность земельные участки и не имевшее других обязанностей, кроме военной службы; остальная же громадная масса простого народа должна была снова вступить в обязательные отношения к прежним своим помещикам, возвращение коих в свои имения на Украине было обеспечено Зборовским договором. Это была величайшая несправедливость по отношению к громадному большинству населения Малороссии. Восстание, поднятое Хмельницким, обязано было своим успехом именно тому обстоятельству, что в нем участвовало не одно лишь казацкое сословие, как в прежних казацких бунтах, а весь народ, уверенный в том, что здесь дело шло прежде всего о его освобождении от гнета владельцев и их арендаторов; вот почему население с такою энергией занялось повсюду изгнанием и истреблением поляков и евреев. По заключении же Зборовского мира оказывалось, что плодами целого ряда блестящих побед, достигнутых усилиями всего малороссийского народа, должно было воспользоваться лишь относительно ничтожное число избранных. Простой люд увидел в этом предательство со стороны Хмельницкого его интересов, и с этого времени прежняя популярность и обаяние имени гетмана на Украине были значительно подорваны. Можно сказать, что Збараж-

ская битва завершила собою первый, блестящий период истории войн Хмельницкого: то была кульминационная точка силы и могущества малорусского народа и славы его счастливого вождя; за нею начинается другой период, богатый бедствиями и тяжелыми испытаниями.

Конечно, все эти губительные последствия Зборовского договора обнаружили не сразу. Первые дни по его заключении и по удалении из пределов Украины польских войск были, напротив, временем всеобщих восторгов в Малороссии. Тогда-то, вероятно, и был сложен торжественный стих известной украинской думы:

„Та немає лучче, та немає краще,
Як у нас на України:
Що немає пана, що немає жида,
Не буде и унії“!

Распустив ополчение, Хмельницкий осенью 1649 года занялся составлением реестра казацкого и приведением в лучшее состояние военных и гражданских порядков в Малороссии. Он старался набирать реестровых казаков преимущественно из крестьян более знатных панов в Украине и особенно из имений злейшего врага казаков, известного отступника русской веры и народности, князя Иеремии Вишневецкого, владевшего большей половиной теперешней Полтавской губернии. Не стесняясь определенной в Зборовском договоре цифрой казацкого войска, гетман записал в него несколькими тысячами больше, чем следовало. Каждый реестровый казак становился полным собственником известного участка земли, коим он пользовался, живя у своего помещика. Кроме того у панов были отобраны Хмельницким целые волости и обращены в так называемые „ранговые“ поместья, отдаваемые в пользование казацким чиновникам, пока они сохраняли за собою известную должность в войске. На гетманскую булаву было отдано королем целое староство Чигиринское, отчего Чигирин стал с тех пор резиденцией гетмана и как бы столицей Малороссии.

Хмельницкий разделил всю Малороссию на 16 полков, из

коих каждый занимал определенную территорию с полковым и сотенными городами и селами. Эти полки были следующие: 1) Чигиринский, имевший 19 сотен; 2) Черкасский с 18 сотнями; 3) Каневский — с 16 с.; 4) Корсунский — с 19 с.; 5) Белоцерковский; 6) Уманский — с 14 сот.; 7) Браславский — с 22 с.; 8) Кальницкий — с 19 с.; 9) Киевский — с 17 сот.; 10) Переяславский — с 19 с.; 11) Крошивянский — с 10 с.; 12) Миргородский — с 16 с.; 13) Полтавский — с 19 с.; 14) Прилуцкий — с 20 с.; 15) Нежинский — с 10 с. и 16) Черниговский — с 7 сотнями. Пространство, обнимаемое этими полками, было довольно велико; вот его границы: на З. р. Горынь с Случью и Днестр до впадения в него р. Егорлыка; на С. Припеть, Десна и Сейм у устья Клевани; на В. верхнее течение рек: Сейма, Сулы, Псла и Ворсклы; на Ю. вершины Ингула, Ингульца, Тилигула и Куяльника, по устью Егорлыка. Кроме того, сюда же нужно причислить запорожскую Сечь и принадлежавшие к ней безграничные степи, простиравшиеся по обеим сторонам Днепра. Во многих городах Хмельницким было оставлено прежнее Магдебургское право с общинным самосудом и самоуправлением мещан и с цеховой организацией ремесел; таковы были города: Брацлав, Винница, Черкасы, Васильков, Овруч, Киев, Переяславль, Остер, Нежин, Мглин, Чернигов, Почеп, Козелец, Новгород-Северск и Стародуб.

Не успел Хмельницкий окончить регистрацию казацкого войска, как против него обнаружилось сильное волнение и недовольство в среде простонародья, не вошедшего в казацкий реестр. Уступая этому движению, гетман объявил, что, кроме реестровых, могут быть еще и охочие полки, куда можно идти всякому. Между тем на Украину стали возвращаться изгнанные раньше помещики-поляки и начали требовать от своих подданных восстановления прежних обязательных отношений. Крестьяне ни за что не хотели исполнять их требований и в большинстве случаев снова изгоняли или убивали своих панов. Гетман вынужден был не раз издавать универсалы, в коих строго приказывал, чтобы невошедшие в реестр повиновались своим прежним помещикам, послушникам

же угрожал казнями. Это еще более раздражало крестьян и они с новым ожесточением избивали владельцев и жгли их усадьбы. К тому же многие богатые паны возвращались в свои имения с вооруженными отрядами из своих слуг и тотчас принимались разыскивать и бесчеловечно наказывать зачинщиков прежнего мятежа. Это вызывало крестьян на новые жестокости, и гетман напрасно старался утратить их тем, что, по жалобам владельцев, вешал и сажал на кол непослушных.

В то время, как Хмельницкий употреблял все усилия к точному исполнению со своей стороны условий Зборовского договора, вооружая лишь тем против себя народную массу, поляки и не думали соблюдать своих обязательств. Когда киевский митрополит Сильвестр Коссов отправился в Варшаву, чтобы занять обещанное ему по договору место в сенате, то высшее католическое духовенство подняло столь сильную агитацию против допущения в сенат „схизматика“, что он вынужден был возвратиться ни с чем. В то же время польские военачальники нисколько не стеснялись, вопреки договору, переходить за условленную черту на казацкую землю; так коронный польский гетман Потоцкий, незадолго пред тем освободившийся из татарского плена, расположился с своими жолнерами на Подолье и занялся укрощением хлопков, которые, соединяясь в шайки, под именем „левенцов“, вели открытую войну с польским войском. Самый Зборовский договор, хотя и был заключен и подписан лично королем, в глазах поляков не считался имеющим полную законную силу, так как не был еще утвержден сеймом. Такой сейм был созван лишь в декабре 1650 года. К его открытию явились и казацкие депутаты, привезшие, между прочим, требования: чтобы уния во всех русских областях была совсем уничтожена; чтобы четыре знатнейших польских пана непременно жили в своих украинских имениях в качестве заложников, имеющих служить порукою в точном выполнении с польской стороны условий Зборовского договора, и чтобы малорусский народ не терпел никаких стеснений от панов. Эти требования (особенно же первое) произвели столь

сильное негодование среди поляков, до крайности фанатизированных католическим духовенством, что они и слышать не захотели о каком-либо соглашении „с подлыми хлопами“, и Зборовский договор, вопреки энергическим усилиям короля, был отвергнут сеймом. Решено было снова продолжать войну с казаками.

Поляки деятельно вооружались. Папа прислал королю мантию и освященный меч и объявил отпущение грехов всякому, кто пойдет на войну против схизматиков. К Хмельницкому также приехал из Греции коринфский митрополит Иоасаф и препоясал его мечем, освященным на самом гробе Господнем. Но популярность Хмельницкого среди украинского населения была уже значительно подорвана и в войске казацком не было уже прежнего воодушевления. Кроме того народу была не по душе дружба гетмана с татарами, которые и в качестве союзников не стеснялись грабить русские поселения и уводить в плен женщин и детей. Весною 1651 года Хмельницкий двинулся к Збаражу и долго простоял здесь, поджидая крымского хана. Последний наконец явился, но не по своей охоте, а по приказанию турецкого султана. Татарам не хотелось нарушать выгодного для них Зборовского договора с поляками; их более тянуло в пределы Московского государства, с которым Хмельницкий был дружен. 19 июня казацкое ополчение сошлось с польским войском, остановившимся лагерем на обширном поле под Берестечком ¹⁾). На другой день началось сражение, в самый разгар коего крымский хан с своими мурзами неизвестно почему вдруг стремительно обратился в бегство, а за ним в беспамятстве побежала вся орда, побросав свои арбы с женщинами и детьми. Хмельницкий бросился догонять хана, надеясь остановить его, но был им задержан и совершенно неожиданно очутился у него в плену. Между тем, лишенные своего предводителя, казаки, под начальством полковника Джекжалыка, храбро отбивали натиск поляков и, обороняясь, отступили к р. Пляшовой, где засели в укрепленном лагере, три стороны

¹⁾ Мест. Дубенского у. Волынск, губ., на р. Стыре.

когого были защищены окопами, а к четвертой примыкало большое болото. Польские войска тотчас окружили казацкий лагерь и принялись брать его приступом. Десять дней осажденные неумоимо отбивались от превосходившего их числом неприятеля, и хотя обнаруживали готовность сдаться, но не иначе, как на условиях Зборовского договора. Но вот в казацкий лагерь проникло известие, что татары пленили гетмана и разоряют край, — и породило здесь большое смятение. Чернь стала высказывать намерение выдать полякам своих старшин, в виду чего полковник Богун, раньше сменивший Джеджалыка, задумал тайно уйти с казаками из лагеря. В ночь на 29 июня казаки устроили на скорую руку плотину через болото и стали переправляться на другую сторону. Узнав об этом, чернь в беспамятстве и в страшном беспорядке бросилась вслед за уходившими. Плотина была разрушена и беглецы стали тонуть. Поляки не сразу сообразили, в чем дело, и лишь утром заняли оставленный казаками лагерь и принялись добивать бегущего неприятеля. Много русских было убито, а еще более их потонуло. В числе первых пал и коринфский митрополит Иоасаф, тщетно старавшийся остановить бежавших. Разгромив неприятеля, польское войско двинулось на Украину уничтожать казачество.

Между тем Хмельницкий более месяца пробыл в плену у хана и лишь в конце июля, освободившись, он прибыл в м. Паволочь, куда стали стекаться к нему полковники с жалкими остатками своих отрядов. Берестецкое поражение повергло казаков в страшное уныние. Народ волновался и всю ответственность за случившееся несчастье сваливал на гетмана. К чести Хмельницкого нужно сказать, что он один не потерял головы в это бедственное время и обнаружил, такой запас мужества, энергии, ума и силы воли, какого трудно было и ожидать от человека в его положении. Он собрал казаков на раду на Масловом-Броде¹⁾

¹⁾ Где ныне с. Масловка, Каневск, у. Шевск. губ., при впадении р. Потока в Росаву.

и своим непоколебимым мужеством сумел успокоить народ, уверить его, что не все еще потеряно, и вдохнуть в него энергию. Вслед за сим он энергично занялся пополнением казацких полков и скоро успел заручаться новым союзом с ханом и обещанием татарской помощи.

Ободренный примером гетмана и в виду угрожавшей опасности, народ воспрянул духом и вооружился поголовно, готовясь оказать полякам отчаянное сопротивление. Лишь только польское войско вступило в Украину, жители лежавших на его пути селений и хуторов жгли собственные дома, истребляли запасы, портили дороги, разрушали мосты и ежеминутно нападали на отдельные отряды польской армии. Это отчаянное сопротивление приводило поляков в такое неистовство, что, овладев каким-либо селением, они предавали жителей поголовному истреблению, не щадя ни пола, ни возраста. Русские в свою очередь платили полякам тою же монетою и бесчеловечно мучили пленных. Казацкое войско оказалось не в состоянии остановить движение многочисленного неприятеля, тем более, что на соединение с поляками с севера двигался с большими силами гетман литовский Радзивилл. Он уже овладел Черниговом и подступил к Киеву. Чтобы произвести замешательство в литовском войске, киевские мещане сами зажгли город, но это ни к чему не повело и 6 августа Радзивилл овладел Киевом. Вслед затем предводители польско-литовских сил сошлись под м. Белою-Церковью и по предложению Хмельницкого вступили с ним в мирные переговоры. К этому их побудило упорное сопротивление малорусского народа и недостаток запасов. Переговоры тянулись долго и крайне нерешительно и только открывшееся в сентябре моровое поветрие заставило обе стороны ускорить их. Наконец 17 сентября 1651 года заключен был в м. Белой Церкви договор, по которому казакам представлено было, вместо прежних четырех, лишь одно воеводство киевское, а число казацкого войска было уменьшено до 20 тысяч; крестьяне по прежнему должны были работать на своих помещиков, а евреи получали право повсеместного жительства в Малороссии.

Лишь только условия Белоцерковского мира стали всем известны, в народе возникло сильное неудовольствие против Хмельницкого. Чернь прямо в лице упрекала гетмана, что он заботится лишь о выгодах собственных и казацкой старшины, а простой народ снова отдает панам под палки, батоги, на колы, да на виселицы. Делать было, однако, нечего: приходилось или подчиниться помещикам, которые один за другим стали возвращаться в свои имения, или искать новых мест для жительства, где бы не было ни ляхов, ни жидов. Многие из крестьян и казаков предпочли последнее и стали тысячами выселяться в южные пределы Московского государства. И прежде, до Хмельницкого, после неудачных восстаний Острияницы и Гуни, малороссы не раз убегали за московскую границу, где около Путивля и Рыльска появились в то время их слободы; но теперь это выселение приняло вдруг характер огромного массового движения. Казаки образовавшегося было Острожского полка поголовно переселились на берега р. Тихой Сосны и основали здесь город Острогожск. Это был первый слободско-украинский казацкий полк в пределах Московского царства. Вслед затем в границах теперешних Курской и Харьковской губ. разом возникли многочисленные малороссийские слободы, из коих впоследствии возникли многие значительные города, каковы: Сумы, Короча, Белополье, Ахтырка, Лебедин, Харьков и другие. Сюда стремились украинцы с берегов Буга и Днестра, с Волыни, южного Полесья и с других мест. Хмельницкий издавал запретительные универсалы, а польское правительство хотело силою остановить это эмиграционное движение, но ничто не помогало. Часто переселенцы при помощи орудия пробивали себе дорогу и уходили на излюбленные места.

Но и крестьяне, оставшиеся на Украине, упорно отказывались повиноваться помещикам. Они составляли вооруженные шайки, нападали на поляков и в некоторых местах успели перебить стоявших постоем польских жолнеров. Сам гетман чувствовал себя недостаточно безопасным в своем Чигирине и вынужден был казнить нескольких полковников, бунтовавших

против него чернь. Чтобы чем-нибудь успокоить недовольство народа, он дозволил записывать в реестр более определенного белоцерковскими статьями числа казаков, а сам поджидал лишь удобного случая, чтобы окончательно сбросить с себя неудобноносимое иго, наложенное тяжелыми условиями этого договора. Случай такой скоро представился и повод к нему дали сами поляки.

Весною 1652 года старший сын Хмельницкого Тимош, с казацким войском и в сопровождении татар, выступил в Молдавию, чтобы жениться на дочери молдавского господаря, с которой он уже раньше был сговорен. Не смотря на предостережения со стороны Хмельницкого, польский гетман Калиновский без всякого повода заступил Тимошу дорогу и приказал напасть на сопровождавший его отряд. Произошла жаркая битва, во время которой двадцатитысячное польское войско погибло без остатка и сам гетман Калиновский был убит. Это случилось 22 мая, в урочище Батоге ¹⁾, над р. Бугом. Батогская победа послужила сигналом к тому, что польские жолнеры, стоявшие в Малороссии, повсеместно были изгнаны или истреблены, а помещики в страхе бросали свои имения и бежали в Польшу. Польское правительство сильно было раздражено тем, что случилось в Малороссии. Король созвал чрезвычайный сейм и потребовал, чтобы изысканы были средства для окончательного усмирения казаков. Но полякам надоели уже беспрестанные войны и сопряженный с ними жертвы и потому сейм отказал королю в его требовании созвать поспешное ружение, а для содержания наемных войск правительство не располагало нужными средствами. Таким образом военные действия против Хмельницкого были отложены на неопределенное время.

Но и положение другой воевавшей стороны не было особенно благоприятно, и старый гетман как нельзя лучше сознавал это. Война с Польшей обещала затянуться в бесконечность, так

¹⁾ В нынешнем Ольгопольском у. Подольск, губ., около м. Ладьжина.

как становилось очевидным, что поляки согласятся скорее погубить свое отечество, нежели отказаться от русских областей и предоставить украинцам известную свободу. Между тем шестилетняя борьба, с ее жертвами и беспрестанными тревогами, достаточно уже надломилась силы и энергию малорусского народа. Было очевидно, что Украина одними своими силами не в состоянии справиться с упорным врагом, и чтобы довести до конца начатое дело, ей необходимы были союзники. В этих видах Хмельницкий раньше уже завел сношения с Турцией, Седмиградским княжеством и даже с Швецией, убеждая их действовать вместе с ним против Польши; но доселе ни одно еще из этих государств не оказало ему нужной помощи. Правда, у казаков были давние союзники татары, но Берестецкое приключение ясно показало украинцам как мало можно было полагаться им на этих союзников. Скорее и естественнее всего Малороссия могла ожидать помощи и защиты со стороны Московского государства, с которым ее связывало единство веры и происхождения. Хмельницкий хорошо понимал это, и его помыслы давно уже были обращены на то, чтобы как-нибудь втянуть московское правительство в войну с Польшей. Еще после Зборовского договора казаки грозили великороссийским гонцам, что они пойдут с крымцами на Москву за то, что царь не дал им помощи против поляков. Со времени Берестецкого поражения Хмельницкий стал прямо заявлять приезжавшим к нему московским боярам о своем желании поступить под высокую руку православного государя. Чем далее, тем чаще он обращался в Москву с этой просьбой. Но царь из опасения разрыва с Польшею долго не решался дать свое согласие на просьбы Хмельницкого, хотя охотно согласился принять посредничество в видах примирения его с королем. Действительно, два месяца спустя после Батогского поражения поляков, в Польшу приехал царский посланник боярин Репнин-Оболенский и, напомнив о некоторых нарушениях с польской стороны условий мирного договора, объявил, что царь готов простить эти нарушения, если польское правительство помирится с Хмельницким на осно-

вании Зборовского трактата и уничтожит унию. Но поляки, раздраженные заступничеством царя за их врагов, холодно приняли представления царского посланника и таким образом посольство Оболенского не имело успеха.

Между тем весной 1653 года польский отряд, под начальством Чарнецкого, ворвался в Подолье и подверг страшному опустошению многие местечка и села по р. Бугу, причем несколько тысяч народа было варварски истреблено. Осенью выступил против Хмельницкого сам король с большим войском и остановился лагерем под Жванцем ¹⁾, на берегу Днестра. Сюда же прибыл и Хмельницкий с своими союзниками-татарами, которые тотчас распустили загоны по Волини, Подольи и Червонной Руси и таким образом отрезали полякам путь к отступлению. Вследствие наступивших холодов и недостатка в продовольствии, королевское войско очутилось в крайне затруднительном положении: сами поляки думали, что для них повторяются времена Пилявские и Збаражские. Но они спаслись тем, что им удалось заключить отдельно с крымским ханом мир на следующих унижительных условиях: король обязался уплатить хану 100,000 червонцев единовременно и по 90,000 золотых ежегодно и сверх того позволить татарам в продолжение сорока дней брать пленников в пределах областей, принадлежавших Польше. За то хан отступил от союза с казаками и принудил Хмельницкого ни с чем возвратиться в Украину. Вслед затем татары, с королевского дозволения, страшно опустошили всю Южную Русь до самого Люблина и угнали в неволю тысячи невинных людей. Тогда-то, по словам малороссийской думы:

„Зажурилась Украина

„Що нигде ий дитись:

„Витоптала Орда киньми

„Маленькии дити.

¹⁾ Мест. Каменецк. у. Подольск. губ., при впадении р. Жванца в Днестр.

„Малих потоптала,
„Старих порубала,
„А молодых-середульших
„У полон забрала"...

Теперь все надежды Хмельницкого были обращены на Москву. Отправляясь в последний поход против поляков, гетман писал царю, что польское войско идет в Украину для поругания веры и святых церквей и что турецкий султан приглашает казаков к себе в подданство. „Если ваше царское величество, писал он, не сжалишься над православными христианами и не примешь нас под свою высокую руку, то иноверцы подобьют нас и мы будем чинить их волю". Теперь уже московское правительство, оскорбленное неудачей посольства Оболенского, склонно было приступить к решительному шагу. Оно не могло долее оставаться безучастным зрителем того, что совершалось в соседней Малороссии, так как подданство казаков Турции могло иметь для него в будущем весьма вредные последствия. 1 октября 1653 года царь Алексей Михайлович созвал земский собор и предложить на его решение вопрос: принимать ли Богдана Хмельницкого со всем войском запорожским под царскую руку? Представители русской земли единогласно высказались за утвердительное решение этого вопроса и единодушно обещались помогать царю в предстоявшей войне с Польшею. Тогда был послан к Хмельницкому боярин Бутурлин принять Украину под высокую царскую руку.

8 января 1654 года Хмельницкий собрал в Переяславле генеральную раду, на которую прибыли все полковники и старшины казацкие и множество простых казаков и народа; здесь же находились и послы московские. Он обратился к собранию с речью, в которой объяснил, что Малороссии необходимо выбрать себе государя из четырех соседних монархов: султана турецкого, хана крымского, короля польского или православного царя восточного. Далее он указал на невыгоды подчинения Малороссии власти басурманских народов, напомнил о бывших притеснениях со

стороны поляков и в заключение советовал признать над собою власть единоверного православного царя восточного, под высокой рукой которого Украина найдет благодетнейшее пристанище. „А буде кто, прибавил он, с нами не согласен, тот куда хочет: вольная дорога“. В ответ на эту речь со всех сторон раздались восклицания: „Волим под царя восточного! Боже утверди, Боже укрепи, чтоб мы навеки были едино“. Тогда на раде объявлены были договорные статьи, на которых совершалось присоединение. Сущность этих статей была такова: Малороссия сохраняла все свои прежние порядки и свое особое управление под властью выборных старшин и гетмана, избираемого вольными голосами; гетман имел право принимать послов и сношаться с иностранными правительствами; все малороссийские сословия сохраняли свои старые права и вольности; число казацкого войска увеличивалось до 60,000, но можно было иметь еще и охочие полки; гетманское правительство обязывалось уплачивать небольшую подать государю, сбор которой был предоставлен местным урядникам, без вмешательства великороссийских сборщиков. Со своей стороны царь обещал защищать Малороссию своими войсками и совершенно освободить ее от притязаний Польши.

Из Переяславля царские послы отправились в Киев и в другие большие города для принятия присяги на подданство. Народ повсюду присягал без сопротивления, но высшие малороссийские сословия с некоторым недоверием и опасением за неприкосновенность своих прав и старых обычаев принимали московское подданство. Киевский митрополит и духовенство совсем уклонились от присяги и даже не допустили к ней своих слуг и вообще людей, живших в монастырских и церковных имениях. Казацкая старшина и примкнувшие к ней во время восстания православные шляхтичи лишь скрепя сердце шли под „московскую протекцию“: в их головах составилась план независимого государства из Малороссии.

Весною 1654 года царь Алексей Михайлович объявил Польше войну и сам с большими силами двинулся на Литву. Литовско-

русское православное население повсюду с радостью встречало русские войска и города один за другим сдавались без бою. Поляки не могли оказать серьезного сопротивления, и в короткое время русские овладели Могилевом, Полоцком, Витебском и Смоленском. В тоже время Хмельницкий на Украине выдерживал трудную борьбу с польскими войсками, которые, в союзе с татарами, вторглись на Подолье и произвели здесь страшное опустошение. В следующем 1655 году русские имели еще больший успех в Литве: они взяли Минск, Ковно и Вильно. Царь Алексей Михайлович торжественно въехал в древнюю столицу Ягеллонов и принял титул великого князя Литовского. В это же время шведский король Карл X с своей стороны начал военные действия против поляков и скоро овладел Познанью, Варшавой и, наконец, Краковом. А с юга Хмельницкий вступил в Червоную Русь, разбил польское войско под Гродеком и осадил Львов. Польша была на краю гибели и король Ян-Казимир бежал в Силезию. Оттуда он дважды присылал к Хмельницкому своих посланцев и униженно умолял его забыть прошлое и не допустить до окончательной гибели его прежнее отечество. Старый гетман равнодушно выслушивал самые лестные польские обещания и неуклонно твердил одно, что мир казаков с Польшей возможен под одним лишь условием: „пусть, говорил он, поляки откажутся навеки от всего, что принадлежало древним княжествам земли Русской, пусть уступят казакам всю Русь до Владимира, Львов, Ярославль, Перемышль и формально объявят ее свободною, подобно тому как испанский король признал свободными голландцев; тогда мы будем жить с Польшей как друзья и соседи, а не как подданные и рабы, и тогда напишем мир на вечных скрижалях. Но этому не бывать, пока в Польше властвуют паны; не быть же и миру между русскими и поляками”.

Потерпев неудачу у Хмельницкого, поляки, при посредстве немецкого посланника, успели склонить к миру московское правительство, подав ему надежду, что по смерти хилого и бездетного Яна-Казимира царь русский может быть избран на польский

престол и тогда, объединив под своей державой оба государства, ему можно будет, в союзе с другими христианскими государями, обратить оружие против неверных. Кроме того, у московского правительства был расчет, примирившись с поляками, начать войну против Швеции, чтобы отнять у нее земли, принадлежавшие прежде Новгороду. В этих видах царь согласился открыть переговоры с поляками, после чего в октябре 1656 года был заключен в Вильне мирный договор, по которому поляки обязывались, по смерти Яна-Казимира, избрать на польский престол царя Алексея Михайловича, а он за то обещал защищать Польшу от ее врагов и начать войну с Швецией.

Виленский мир был спасением Польши, но он разрушал в прах самые заветные планы Хмельницкого относительно освобождения южнорусского народа. Незадолго перед этим гетман, принося царю свою благодарность за содействие к защите и освобождению от поляков Малороссии, усердно склонял его к тому, чтобы не одна Украина, но и Волынь, и Червоная Русь, и вообще все земли, принадлежавшие к древним русским княжествам, были возвращены от Польши и, соединенные в одно самостоятельное целое, под высокой царской охраной, пользовались бы миром и народным благополучием. Мысль эта с давнего уже времени составляла предмета пламенных желаний Хмельницкого и воодушевляла его на дальнейшие подвиги. Он с напряженным вниманием следил за успехами русских войск в Литве и надеялся, что царь в союзе с шведским королем будет продолжать войну до тех пор, пока обессиленная в конец Польша не только откажется от всех русских областей, но и в последствии не станет помышлять об отобрании их назад. Он прекрасно понимал, что поляки, пообещав в неопределенном будущем русскому царю королевскую корону, нисколько не думали о серьезном исполнении своих обещаний, а пользовались лишь случаем, чтобы выйти из затруднительного положения и как-нибудь протянуть время. Хмельницкий всеми мерами старался раскрыть глаза московскому правительству и представлял ему убедительные дока-

зательства хитрости и вероломства поляков. Но Москва не хотела понять широких замыслов Хмельницкого и была глуха к его предостережениям. Вдобавок, когда посланные гетманом казацкие уполномоченные прибыли в Вильно для участия в заключении мирного договора с поляками, то московские послы высокомерно заметили им, что Хмельницкий и казаки — подданные и потому не должны иметь голоса там, где решают их судьбу послы государей. Все это сильно огорчало впечатлительного гетмана, а затем повергло его в страшную тоску и уныние. Стоя одной ногой в могиле, престарелый Хмельницкий с грустью видел, что десятилетние его труды и усилия не привели начатое им дело к желанному концу, и будущность родной земли представлялась его взорам в печальном виде.

Он не утерпел, однако, пользуясь представившимся случаем, сделать еще одну, последнюю попытку к осуществлению своих заветных желаний: в начале 1657 года он заключить с шведским королем Карлом X и Седмиградским князем Юрием Ракочи тайный договор о разделе Польши. По этому договору, в случае успеха союзников, Украина с остальными южно-русскими землями признавалась навсегда отдельной от Польши. Действуя согласно условию этого договора, Хмельницкий послал на помощь союзникам 12 тысяч казаков; но поляки известили московское правительство о действиях Хмельницкого, и царь прислал через своих бояр строгий выговор гетману за союз с царскими недругами. Послы застали Хмельницкого больным, едва встававшим с постели; не смотря на это, они настойчиво добились свидания с гетманом, осыпали его упреками и потребовали, чтобы посланный отряд был отозван назад. Это обстоятельство повредило союзникам Хмельницкого и заставило их отказаться от своих притязаний.

Месяца за два до своей смерти Хмельницкий созвал в Чигирине казацкую раду, с тем чтобы на ней был избран преемник ему. Здесь престарелый вождь Украины обратился к казакам с прощальным словом, в котором благодарил их за вер-

ность и послушание и, между прочим, сказал: „Бог знает, братья, чье это несчастье, что не дал мне Господь окончить этой войны так, как бы хотелось: во-первых, утвердить навеки независимость и вольность вашу; во-вторых, освободить от ига польского также Вольнь, Покутье, Подоль и Полесье, словом — все земли, которыми владели великие русские князья, и преклонить их под высокую руку всероссийского монарха. Богу иначе было угодно. Не успел я окончить своего дела, умираю с величайшим прискорбием, не зная, что будет после меня. Прошу вас, братья, пока я жив, изберите себе при моих глазах нового гетмана вольными голосами. Если я буду знать отчасти будущую судьбу вашу, то спокойно сойду в могилу”.

Козаки, желая сделать приятное своему любимому вождю, выбрали на гетманство несовершеннолетнего сына его Юрия. Старый гетман имел слабость поддаться родительскому чувству и, сознавая неспособность Юрия, утвердить этот выбор, что впоследствии принесло большие бедствия Украине.

День смерти Богдана Хмельницкого точно не известен: по одним указаниям, он умер 27 июля, по другим — около 15 августа 1657 года.

Хмельницкого похоронили в с. Субботове, в построенной им самим каменной церкви, существующей и до настоящего времени. Но в 1664 году польский воевода Чарнецкий, опустошая Чигиринское староство, сжег Субботов и приказал выбросить из гроба на поругание прах знаменитого гетмана.